

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАСТЕРОВ В СВЕТЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*

Раскрываются закономерности трансформации пространственной организации экономики России в условиях глобализации. Обоснован тезис о том, что без участия в глобальных обменах и управлении потоками ценностей открытость территории не означает наличие на этой территории полноценного кластера. Сделан вывод об отсутствии в Иркутской области полноценного лесопромышленного кластера, подкрепленный анализом количественных данных.

Ключевые слова: пространственная организация экономики, геоэкономическое пространство, региональный кластер, лесопромышленный сектор.

В настоящее время Россия переживает существенную трансформацию пространственной организации экономики. Прежняя организация сложилась как результат планомерного строительства единого народнохозяйственного комплекса государства, представлявшего собой автономный хозяйственный организм. С исчезновением железного занавеса автономия народнохозяйственного комплекса под воздействием глобализации нарушилась, пространственная организация экономики России вступила в стадию глубокой и масштабной фрагментации.

В статье В. Княгина и П. Щедровицкого, посвященной обоснованию территориального аспекта промышленной политики современной России, раскрываются законы «региональной революции», которые действуют в глобализованном мире и приводят к становлению новой региональной иерархии¹. При выработке государственной региональной и промышленной политики необходимо учитывать действие следующих законов, отражающих предпосылки и углубляющих понимание сущности кластерного развития:

1. Локальные замкнутые региональные рынки не входят в новую пространственную организацию глобализованного мира. Ситуация не может быть исправлена никакими масштабными инвестициями в основные

фонды и социальную сферу, передачей этим регионам части административных функций до тех пор, пока не будет решена задача интеграции данных регионов в глобальный рынок. Интегрироваться в глобальный рынок — значит начать участвовать в управлении мировыми потоками.

2. В глобализованном мире в лучшем положении находится не тот, кто производит товары, а тот, кто управляет их потоками, кто привлекает финансы, права, наиболее квалифицированные кадры, кто придумывает и распространяет технологии. Для территории способность влиять на глобальный обмен людьми, технологиями, информацией, финансами конвертируется в стоимость активов, к которой добавляется своеобразная региональная рента: возможность более эффективно и диверсифицированно распорядиться финансами, получить большую плату за рабочую силу, обеспечить большую ликвидность недвижимого имущества и т.д.² В мировой экономике центрами становятся не столицы обширных по территории государств, а финансовые и торговые узлы. Потенциал территории определяется не ее природными богатствами, а способностью связывать и направлять мировые потоки. Управлять потоками — значит присваивать инфраструктуры, по которым «прокачиваются» мировые ресурсы.

* Печатается при поддержке гранта РНП 2.1.3.2691 «Разработка форм и механизмов территориально-отраслевой организации лесного сектора в условиях многоукладной экономики».

В. Княгинин и П. Щедровицкий указывают на наличие в геоэкономическом пространстве определенной иерархии. Так, регионы-производители технологий доминируют над регионами-производителями товаров. Торговые регионы доминируют над промышленными. Главными являются регионы-финансовые центры, в которых сосредоточивается функция управления глобальным обменом и оценки циркулирующих в них ценностей.

3. Одновременно отдавая и принимая активы, территории в геоэкономическом пространстве имеют разный баланс обмена. Данный баланс должен быть более информативным, чем традиционные торговый и платежный баланс. Он должен характеризовать обмен в разрезе номенклатуры обмениваемых ценностей. В первую очередь это движение людей, а также финансовых ресурсов. Состояние баланса и номенклатура обмениваемых ценностей характеризуют статус региона — его рыночные позиции. Пока такой «геоэкономический баланс», отражающий положение территории на открытом рынке, не составлен ни для России в целом, ни для ее отдельных регионов. Во многом это связано с устаревшей системой статистики, сформировавшейся еще в эпоху национальной замкнутости государств и фиксирующей в основном движение товаров и финансов.

4. Государственные институты лишь отчасти управляют новой регионализацией мира. Его новая геоэкономическая иерархия — во многом результат действий хозяйствующих агентов глобального рынка. Именно они размещают в пространстве открытого рынка свои активы, добываясь их наивысшей совокупной стоимости. Поэтому для огромного количества регионов единственным реальным шансом изменить свои рыночные позиции в глобальной экономике часто является привлечение внешних инвестиций, включение региона в данную экономику на условиях, определяемых корпоративными и технологическими стратегиями инвесторов³.

М. Портер описал этот процесс следующим образом: «К наиболее важным решениям, принимаемым интернациональными компаниями, относится выбор страны, в которой будет базироваться каждый из

видов деятельности. Компания может иметь различные страны базирования для различных видов деятельности или сегментов. В конечном счете конкурентные преимущества формируются в стране базирования... У компании нет другого выхода, кроме как переводить свое базирование в страну, стимулирующую инновации и обеспечивающую самую благоприятную среду для конкурентного поведения на международном уровне. Полумер здесь нет: команда управленцев также должна менять свою дислокацию»⁴.

Современная экономическая наука связывает участие территории в глобальном обмене с кластерной формой территориально-отраслевой организации производства. Регион, производство в котором сформировано по кластерному принципу, называют сетевым. Сетевая организация экономического пространства является проекцией производственных сетей на территорию — так называемые сети, привязанные к месту (*networks of place*). Она основана на том, что включает в себя автономные и взаимозаменяемые звенья — производственные комплексы и предприятия.

Экономическая мощь сетевого региона определяется не объемами производства, а мобилизационным ресурсом всей сети, ее общим влиянием на глобальный обмен. Эффект мобилизации сети позволяет быстрее и более гибко реагировать на изменения в системе глобального обмена. *Networks of place* формируют своеобразную «матрицу капитализации», которая обеспечивает «доценку» активов, попадающих в сетевой регион: перемещение на его территорию дает работнику возможность повысить стоимость своей рабочей силы; формирование сети предприятий позволяет повысить стоимость земли, на которой они размещены, и т.д. Сетевой регион тем самым добавляет к капиталу размещенных в нем предприятий своеобразную «территориальную маржу».

Неотъемлемый атрибут кластера — его конкурентоспособность в мировом хозяйстве. Кластер, таким образом, открыт для глобального рынка и является частью мировой экономики. Однако без участия в глобальном обмене и управлении потоками ценностей открытость территории, даже

будучи закрепленной в публично-правовой интеграции государств и регионов в зоны свободной торговли и экономические союзы, не означает наличие на этой территории полноценного кластера. В частности, отмечают В. Княгинин и П. Щедровицкий, невзирая на огромные средства, направляемые ЕС на развитие юга Италии, не удалось сократить отставание данного региона от северных районов страны. Присоединение к ЕС Великобритании и Греции также не привело к автоматическому решению региональных проблем этих стран.

М.В. Николаев приводит перечень отличительных признаков, которыми должен обладать кластер⁵:

- его доля на рынке соответствующей продукции (национальном и мировом) превышает среднюю долю экономики региона (ВРП) на этом рынке;

- темп прироста продукции кластера превышает средний темп прироста ВРП;

- конкурентоспособность кластера с учетом удельных затрат и качества продукции не уступает конкурентоспособности соответствующих секторов экономики других стран и регионов;

- происходит устойчивое кооперирование отраслей, входящих в кластер, формирование на этой основе агломерационных процессов, ВИК и сетевых форм организаций;

- развитие информационных и маркетинговых связей между предприятиями кластера осуществляется на основе современных технологий, в рамках межрегиональной экономической интеграции формируются недостающие звенья цепочки создания стоимости, общие стандарты производства, поставок и управления, активно развиваются кластерные бренды.

Все сказанное выше приводит к постановке вопроса: можно ли констатировать наличие лесопромышленного кластера в Иркутской области?

Таблица 1

Количественные параметры функционирования лесопромышленного сектора России и Иркутской области в 2006 и 2007 гг.

Показатель	2006				2007			
	Россия		Иркутская область		Россия		Иркутская область	
	абсолютная величина	темпы прироста к предыдущему году, %	абсолютная величина (в % к РФ)	темпы прироста к предыдущему году, %	абсолютная величина	темпы прироста к предыдущему году, %	абсолютная величина (в % к РФ)	темпы прироста к предыдущему году, %
Заготовка древесины, млн м ³	133,5	2,1	21,7 (16,3)	3,8	153,8	15,2	23,7 (15,4)	9,2
Производство пиломатериалов, млн м ³	22,1	0,3	2,6 (11,8)	7,0	23,2	5,0	3,6 (15,5)	38,5
Производство древесностружечных плит, тыс. усл. м ³	4 600	16,9	157 (3,4)	–8,0	5 261	11,5	194,1 (3,7)	23,6
Производство древесноволокнистых плит, млн усл. м ²	373	–0,5	35,6 (9,5)	27,0	402	7,8	41,2 (10,2)	15,7
Производство фанеры, тыс. м ³	2 600	1,7	153,3 (6)	3,2	2 763	5,7	168 (6,1)	9,7
Производство целлюлозы товарной, тыс. т	2 380	–2,1	1 347,2 (56,6)	4,0	2 418	1,6	1 430,5 (59,2)	6,2
Производство бумаги, тыс. т	4 005	0,1	2 (0,05)	–15,3	4 063	0,6
Производство картона, тыс. т	3 400	10,3	232,4 (6,8)	5,5	3 496	2,9
Индекс промышленного производства, %	103,9		107,0*		106,3		102,0	

* По полному кругу предприятий.

В приведенном ранее перечне отличительных признаков кластера первые два являются внешними, количественными. Остальные три признака качественные, характеризующие системные свойства кластера. В табл. 1, составленной по материалам сайтов Росстата, Минпромторга России, администрации Иркутской области, дана количественная информация о функционировании лесопромышленных секторов России и Иркутской области.

Доля Иркутской области в общероссийском производстве лесобумажной продукции практически по всем ее наименованиям (кроме бумаги) значительно превышает удельный вес ВРП области в суммарном ВРП России (1,45% в 2006 г.)⁶. Динамика производства, наблюдавшаяся в 2006 г. как по России, так и по Иркутской области, была неоднозначна. В Иркутской области по большинству

наименований продукции темпы прироста производства были ниже темпов прироста промышленности в целом. В 2007 г. по всем товарным позициям прирост лесопромышленного производства области превысил общий прирост промышленности.

Описание количественных параметров функционирования лесопромышленного сектора Иркутской области можно дополнить характеристикой экспорта лесобумажной продукции. В табл. 2 показаны объемы экспорта отдельных наименований лесобумажной продукции и доля экспорта в производстве соответствующих наименований.

Приведенные в табл. 2 данные наглядно свидетельствуют об экспортной ориентации лесопромышленного сектора Иркутской области. Будучи рассмотрена отдельно, экспортная ориентация территории выступает одним из внешних признаков кластера.

Таблица 2

Динамика экспорта лесобумажной продукции из Иркутской области в 2002–2005 гг.

Наименование продукции	Произведено				Поставлено на экспорт				В % к произведенному			
	2002	2003	2004	2005	2002	2003	2004	2005	2002	2003	2004	2005
Круглый лес*, тыс. м ³	19 300	19 500	21 800	20 900	5 602	5 242	5 358	6 033	29,0	26,9	24,5	28,8
Пиломатериалы, тыс. м ³	1 436	1 602	2 059	2 461	976	1 177	1 421	1 815	67,9	73,4	69,0	73,7
Фанера, тыс. м ³	127,0	121,3	149,1	155,0	107,0	97,7	113,2	105,9	84,2	80,5	75,9	68,3
Древесноволокнистые плиты, млн усл. м ²	30,2	26,9	20,7	28,0	0,3	–	0,8	0,4	1,0	–	3,8	1,4
Древесностружечные плиты, тыс. усл. м ³	109,0	137,2	167,7	170,0	–	–	–	–	–	–	–	–
Целлюлоза товарная, тыс. т	1 195,0	1 258,0	1 286,0	1 295,0	1 067,0	1 072,7	964,3	1 035,0	89,2	85,2	75,0	79,9
Картон, тыс. т	195,0	203,7	217,5	212,0	175,0	170,0	170,7	155,2	87,2	83,4	78,5	73,2

* Объем производства круглого леса указан по расчетным данным агентства лесного хозяйства и администрации Иркутской области.

Таблица 3

Структура экспорта и импорта лесобумажной продукции в торговле Российской Федерации с Китаем в 2000–2004 гг., %

Наименование продукции	Экспорт					Импорт				
	2000	2001	2002	2003	2004	2000	2001	2002	2003	2004
Лесоматериалы круглые	53,2	45,2	56,6	63,3	67,4	–	–	–	–	–
Пиломатериалы	2,5	2,9	3,8	4,7	5,1	–	–	–	–	–
Фанера клееная	–	–	–	–	0,1	3,6	7,9	4,2	0,4	1,0
Древесностружечные плиты	–	–	–	–	–	9,1	36,8	29,6	5,1	5,3
Древесноволокнистые плиты	0,1	0,1	0,2	0,4	0,2	9,1	5,3	4,2	1,2	3,8
Целлюлоза товарная	32,3	24,2	21,2	23,4	20,8	–	–	–	–	–
Бумага, картон и изделия из них	10,6	6,5	5,7	7,8	5,5	72,7	47,4	62,0	72,0	45,6
Прочая продукция	1,3	21,0	12,5	0,5	0,9	5,5	2,6	–	21,3	44,3

Что касается качественных признаков, которым должен удовлетворять кластер, то лесопромышленный сектор области выглядит гораздо менее убедительно. Не вдаваясь в подробные описания, следует констатировать отсутствие устойчивого кооперирования лесопромышленных отраслей и производств, общих стандартов производства, поставок и управления, неразвитость информационных и маркетинговых связей между предприятиями.

Таким образом, лесопромышленный сектор Иркутской области открыт для глобального рынка, а степень локализации лесопромышленного производства на территории области высока. Однако признаков участия региона в глобальном обмене и управлении потоками ценностей пока не наблюдается.

Неудовлетворительность «геоэкономического баланса» России можно проиллюстрировать на примере структуры взаимной торговли лесобумажной продукцией с ключевым торговым партнером Иркутской области — Китаем⁷ (табл. 3).

Из данных табл. 3 видно, что в структуре поставок лесоматериалов из Российской Федерации в Китай преобладают лесоматериалы круглые, доля которых за анализируемый период постоянно росла — с 45,2% в 2001 г. до 67,4% в 2004 г. Доля пиломатериалов в структуре экспорта также увеличилась — с 2,5% в 2000 г. до 5,1% в 2004 г.

Несмотря на физический рост объемов экспорта целлюлозы, ее доля в структуре экспорта снизилась соответственно с 32,3 до 20,8%.

Что касается экспорта бумаги и картона, то их доля снизилась с 10,6% в 2000 г. до 5,5% в 2004 г. При этом надо иметь в виду, что в рассматриваемой группе продукции основная доля (78%) приходилась на наиболее дешевые виды — бумагу газетную и крафтлайнер.

Приведенные данные, несмотря на положительный торговый баланс, не позволяют считать структуру экспорта в КНР эффективной и прогрессивной, так как в нем преобладают поставки необработанной круглой древесины, а также поставки продукции первичной механической и химической переработки древесины (пиломатериалов и целлюлозы).

В импорте лесопродукции из КНР наметились серьезные изменения. Если вплоть до 2002 г. можно было говорить практически об односторонних поставках лесопродукции из РФ в КНР, то в 2003 и 2004 гг. в импорте резко возросли поставки бумаги, картона и изделий из них, доля которых в 2003–2004 гг. составляла около 90%.

Средние контрактные цены экспортируемой из Иркутской области лесопродукции ниже мировых. По данным ФАО, средняя цена экспортируемого в Японию круглого леса составляла в 2005–2006 гг. 126–130 дол. США за 1 м³, в Китай — 102,5–114,0 дол. за 1 м³. Лес из Иркутской области в то время продавался по 53–73 дол. в Китай и 61–89 дол. за 1 м³ в Японию. Цена на импортируемые пиломатериалы в Японии составляла 265–302, в Китае — 242–262, в Ирландии — 180–365 дол. за 1 м³, что также значительно выше, чем цена на поставляемые из Иркутской области пиломатериалы (180–243, 87–159 и 164–280 дол. за 1 м³ соответственно). Цена приобретаемой по импорту товарной целлюлозы в Китае составляла 427–494 дол. за 1 т, в Ирландии — 777–796 дол. при средней контрактной цене поставляемой из Иркутской области целлюлозы 304–405 дол. за 1 т.

Те из российских регионов, которые в силу разного рода причин не смогли интегрироваться в систему глобального обмена, стремительно теряют свой главный актив — людей, «вымываемых» миграционными процессами в те районы, где рабочая сила оценивается выше. Суммарные миграционные потери Иркутской области за 2000–2005 гг. составили 24,6 тыс. чел. Из числа выехавших в 2005 г. за пределы области 95% выехали в другие регионы страны, преимущественно в Центральный федеральный округ, 5% — в другие страны. При этом 75% составляли лица трудоспособного возраста⁸.

В условиях глобализации для стран важно иметь не только конкурентоспособные технологии и фирмы, но и, главное, регионы, способные принять эти технологии и фирмы. Экономическая мощь региона теперь зависит не столько от валовых объемов производства и наличия природных ресурсов, сколько от обладания центрами, управляющими потоками на глобальном рынке.

Неотъемлемым институтом лесного кластера, обеспечивающим адекватную оценку лесопродукции и контролирующим ее потоки, должна стать лесная товарная биржа. В Иркутской области уже несколько лет функционирует Байкальская лесная товарная биржа. По итогам ее работы за 2007 г. проведено 47 торговых сессий, на которых заключено 339 сделок на сумму более 1 405,6 млн р. и реализовано более 680,6 тыс. м³ лесоматериалов. Столь незначительный объем проходящих через биржу лесоматериалов не позволяет ей выполнять указанные выше задачи.

В настоящее время ведущие российские специалисты видят новую роль территорий в свете идей устойчивого развития⁹. Они должны стать организаторами расширенного воспроизводства общественной жизни и хозяйства методами обустройства территории и развития инфраструктуры на основе системного планирования и управления.

Целью регионального развития должно стать создание устойчивых самовоспроизводящихся территориальных сообществ по принципу «это место должно быть желанным для жизни». В свете раскрытых закономерностей регионального развития

задачи региональных властей заключаются в выявлении и развитии конкурентных преимуществ территорий, согласовании интересов всех участников регионального кластера, создании условий и объединении фрагментов региональной экономики вокруг ключевой конкурентоспособной деятельности.

Примечания

¹ Княгинин В., Щедровицкий П. Территориальная проекция промышленной политики в России: кто оплатит издержки глобализации // <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/formula/projection>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Портер М. Конкуренция. СПб.; М.; Киев, 2003. С. 204.

⁵ Николаев М.В. Кластерная концепция эффективной интеграции регионов в глобальную экономику // <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=20665>.

⁶ <http://www.gks.ru>.

⁷ Концепция развития лесопромышленного комплекса Иркутской области на период 2006–2015 гг. / Администрация Иркутской области, 2006 г.

⁸ Областная государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Иркутскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2007–2012 гг. (проект). Иркутск, 2006.

⁹ Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М., 2004.

УДК 330.44
ББК 65в631

А.С. МАРАХОВСКИЙ
кандидат физико-математических наук, доцент
Ставропольского государственного университета
e-mail: marahov@yandex.ru

ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА СО СЛУЧАЙНЫМ ВОЗМУЩЕНИЕМ В ВЕКТОРЕ КОНЕЧНОГО СПРОСА

Представлена динамическая межотраслевая модель В. Леонтьева, в которой конечный спрос имеет случайную составляющую. Рассмотрены варианты моделирования макроэкономической системы в зависимости от распределения спектральной плотности конечного спроса. Приведена методика оценки статистической точности ВВП, возмущенного случайным конечным спросом.

Ключевые слова: межотраслевой баланс, ВВП, макросистема, конечный спрос.

Традиционно в математической экономике рассматриваются детерминированные динамические модели балансового типа, т.е.

модели, в которых не учитывалось влияние неопределенных факторов. Вместе с тем функционирование реальных макроэконо-